ЛѢТОПИС

4?21
14-6

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ

12518

№ 11

НОЯБРЬ

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

I. М. ГОРЬКІЙ. Въ людяхъ 9

II. И. БАБЕЛЬ. Мама, Римма и Алла. Элья Исааковичъ и Маргарита Прокофьевна 32

III. ВЯЧ. ШИШКОВЪ. Тайга 45

IV. Л. ТОЛСТОЙ. Ненапечатанныя главы изъ романа „Воскресенье“ 68

V. П. СУХОТИНЪ. Стихотвореніе 77

VI. П. ЛЮИСЪ. Отчаявшаяся. Пер. съ фр. Ю. Ж. . 79

VII. Г. ДЖ. УЭЛЛСЪ. Мистеръ Бритлингъ пьетъ чашу до дна. Авт. пер. съ англ. М. ЛИКІАРДОПУЛО. . 84

VIII. Э. ГЕРМАНЪ. Стихотворенія 143

IX. А. ТИМИРЯЗЕВЪ. Старое и новое въ физикѣ . . 145

X. М. ПОКРОВСКІЙ. Константинополь 171

XI. Т. ТАМАНИНЪ. Разговоръ 190

XII. В. БАЗАРОВЪ. О національномъ вопросѣ . . . 206

XIII. ИНОСТРАННАЯ ЖИЗНЬ. В. ВОЛГИНЪ. Изъ иностранной хроники. М. СМИТЪ. Продовольственный вопросъ въ Англіи. Н. СОВСКІЙ. Политическій кризисъ въ Даніи. Т. ГНѢВИЧЪ. Независимая Польша 223

XIV. ПО РОССІИ. П. СУРОЖСКІЙ. На Дону . . . 259

XV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. А. НИКИТСКІЙ. Бюджетъ 1917 года. М. ПЕТРОВЪ. Муниципальная продовольственная кампанія. І. ДРОЗДОВЪ. Какъ создать у насъ чистую, независимую, народную газету? 273

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY 27 APR 1966

стр.

XVI. БИБЛІОГРАФІЯ. *Статьи и обзоры:* **В. ЗЕЛЕНКО. Обзоръ дѣтской литературы. А. КУДРЯВЦЕВЪ. Г. В. Плехановъ. Исторія русской общественной мысли.** *Рецензіи:* **А. СЕРЕБРОВЪ. Гюлистанъ. Альманахъ П. Д. ВЫГОДСКІЙ. «Памятники міровой литературы.» Н. ВЕНГРОВЪ. Ал. Ширяевецъ. «Запѣвка.» Д. В. Клементій Бутковскій. «Кавалерійскія побѣды.» ВЯЧ. ПОЛОНСКІЙ. Н. С. Сергѣевъ-Ценскій. «Наклонная Елена». БРИКЪ. С. Ауслендеръ. «Сердце воина». Л. РЕЙСНЕРЪ. Шарль де-Костеръ. «Уленшпигель». А. БѢЛОЖЕНКО. «Збірник памяти Т. Шевченка». С. ДУБНОВА-ЭРЛИХЪ. Леопольдъ Стаффъ. «Посѣвъ Судьбы». РАФ. ГРИГОРЬЕВЪ. Габріель д'Аннунціо. «Леда безъ лебедя». А. ЛУНАЧАРСКІЙ. Benedetto Croce.** «Letteratura della nuova Italia». **В. ШКЛОВСКІЙ. К. Фолль. «Опыты сравнительнаго изученія картинъ». А. К-ВЪ. Пр. Н. Ѳирсовъ. «Чтенія по исторіи Сибири». А. ЛОЗОВСКІЙ. Compte de Fels.** «L'imperalisme Français». **Н. СОВСКІЙ.** «Selskabet for Social Forsken of Krigens Fölger». **Р. АРСКІЙ. В. Майскій, Энзисъ,** Velox. **«Марксизмъ и вопросы войны и мира». Г. ЗЕЗЕМАНЪ. И. А. Михайловъ. «Война и денежное обращеніе». М. ПЕТРОВЪ. В. М. Хижняковъ. «Воспоминанія земскаго дѣятеля».** *Замѣтки* **300**

XVII. КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ . . . **331**

XVIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ **334**

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція, изъ уваженія къ труду наборщиковъ, проситъ гг. авторовъ представлять рукописи, переписанными на пишущей машинкѣ, или совершенно четко перомъ.

Редакція оставляетъ за собой право исправлять или сокращать рукописи по своему усмотрѣнію.

На отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ по дѣламъ редакціи—по четвергамъ съ 4 до 6 час.

Пріемъ секретаря—по понедѣльн. и четверг. съ 3 до 5 час.

При этой книгѣ «Лѣтописи» разсылаются: почтовый переводный бланкъ для подписки на «Лѣтопись» въ 1917 году и почтовый переводный бланкъ журнала «Вѣстникъ Знанія» и летучка о подпискѣ на 1917 г. на журналъ «Солнце Россіи».

«Маякъ» (для дѣтей старшаго возраста) очень часто критика упрекаетъ за односторонность. Но этотъ упрекъ не вполнѣ заслуженный: своихъ идеаловъ никто не проводитъ такъ послѣдовательно и настойчиво, какъ **«Маякъ»**. У него много ошибокъ, но на первомъ планѣ интересы ребенка. Изъ разсказовъ и очерковъ, помѣщенныхъ въ «Маякѣ» въ 1916 г., особенно выдѣляются — **«Въ дебряхъ Кавказа»**, «Чудовище просыпается», «Герои бурь и огня»; изъ дѣтства Андерсена и Олькотъ, басни Демьяна Бѣднаго.

Таковы въ общихъ чертахъ результаты издательской дѣятельности въ области дѣтской литературы. По дѣтскому чтенію (теоретическая разработка вопросовъ) сдѣлано относительно больше. Обществу Библіотековѣдѣнія разрѣшенъ II Всерос. съѣздъ по библіотечному дѣлу, на которомъ будутъ разсматриваться и вопросы дѣтскаго чтенія.

Въ спеціальныхъ журналахъ — **«Новости дѣтской литературы»** и **«Что и какъ читать дѣтямъ»** за годъ напечатано довольно много статей по вопросамъ дѣтскаго чтенія.

Изъ книгъ, вышедшихъ отдѣльными изданіями, заслуживаютъ вниманія слѣдующія:

Сказки. Подъ ред. О. І. Капица. Указатель сказокъ. Изд. Подвижнаго Музея. Ц. 1 руб. 25 коп. Книга представляетъ результатъ 12-лѣтней коллективной работы и заслуживаетъ самаго широкаго распространенія, какъ единственное пособіе при выборѣ сказокъ для дѣтей.

Лебедевъ. Народная и дѣтская литература. Вып. II Ниж.-Новг. Ц. 1 р. Составитель этого указателя подобралъ для юношества такую литературу, которая можетъ оказать содѣйствіе общественному воспитанію.

Чеховъ. Введеніе въ изученіе дѣтской литературы. Изд. Сыт. Ц. 30 к.

Зеленко, В. Руководительство дѣтскимъ чтеніемъ. Изд. Энциклопедія. Общест. и семейн. восп. Ц. 50 коп.

Зеленко, В. Дѣтскія библіотеки. Сборникъ статей по дѣтскому чтенію. Изд. Карбасникова. Ц. 2 руб.

Свентицкая. Разсказываніе К-во Практическія Знанія. Ц. 1 р. 80 коп. Книга, хотя и носитъ модное заглавіе, но на рѣдкость бездарна и безсодержательна.

Василій Зеленко.

Г. В. Плехановъ. Исторія русской общественной мысли. Томы I и II. Москва. 1914—1915 гг. Изданіе Т-ва «Міръ».

Вышедшіе два тома «Исторіи русской общественной мысли» представляютъ начало обширнаго труда, надъ которымъ Г. В. Плехановъ работаетъ уже нѣсколько лѣтъ. Потребность въ такомъ трудѣ давно уже чувствовалась, но только въ послѣднее время общественно-политическая идеологія обратила на себя вниманіе историковъ, раньше же она находилась въ вѣдѣніи историковъ русской литературы, у которыхъ занимала подчиненное положеніе. Первую попытку написать исторію

«національнаго и общественнаго самосознанія» сдѣлалъ П. Н. Милюковъ, посвятившій ей третью часть своихъ «Очерковъ по исторіи русской культуры», но попытка эта страдаетъ большими недочетами и притомъ осталась незавершенной, оборвавшись на XVIII столѣтіи. Кромѣ того, мы имѣемъ рядъ спеціальныхъ изслѣдованій по отдѣльнымъ эпохамъ, но цѣльной и связной исторіи идеологіи у насъ до сихъ поръ нѣтъ. Вотъ почему появленіе обширнаго труда по исторіи русской общественной мысли слѣдуетъ признать вполнѣ своевременнымъ и можно только привѣтствовать, что за выполненіе этой задачи взялся Г. В. Плехановъ, столь много поработавшій для исторіи русской общественности.

Необходимо, однако, съ самаго начала предупредить читателей, склонныхъ искать въ этомъ трудѣ какихъ-либо откровеній по русской исторіи. Ничего новаго въ смыслѣ переоцѣнки господствующихъ теорій или выясненія темныхъ и спорныхъ вопросовъ этотъ трудъ не даетъ; основанъ онъ не на первоисточникахъ, а исключительно на литературѣ, причемъ авторъ въ общемъ не отступаетъ отъ традиціонныхъ взглядовъ на ходъ русской исторіи.

Г. В. Плехановъ снова ставитъ на очередь вопросъ объ основныхъ особенностяхъ русскаго историческаго процесса и притомъ въ старинной его формулировкѣ: «похожа-ли исторія Россіи на исторію Западной Европы?». Какъ извѣстно, послѣдній по времени отвѣтъ на этотъ вопросъ принадлежитъ Н. Г. Павлову-Сильванскому, который въ своихъ работахъ о феодализмѣ въ древней Руси отрицалъ прежній взглядъ о коренномъ несходствѣ древнерусскаго строя съ феодальнымъ, подготовляя этимъ почву и для дальнѣйшихъ сближеній русской исторіи съ западно-европейской.

По мнѣнію Г. В. Плеханова, такое рѣшеніе вопроса отнюдь не исключаетъ вопроса объ относительномъ своеобразіи русскаго историческаго процесса. «Въ этомъ процессѣ, — говоритъ онъ, — есть особенности, очень замѣтно отличающія его отъ историческаго процесса всѣхъ странъ европейскаго Запада». (Т. I, стр. 10).

Онъ тщательно отмѣчаетъ «европейскіе недочеты» русской исторіи и сближаетъ ихъ съ бытомъ и строемъ «великихъ восточныхъ деспотій». Въ числѣ этихъ недочетовъ онъ указываетъ на подневольное положеніе крестьянъ въ древней Руси, но еще болѣе характернымъ въ этомъ отношеніи считаетъ фактъ закрѣпощенія московской «вотчинной монархіи» всѣхъ сословій, причемъ, по мнѣнію Г. В. Плеханова, Москва пошла даже дальше Востока, положивъ гораздо болѣе тяжелое иго на свое закрѣпощенное населеніе.

Въ дальнѣйшемъ, вопросъ о восточномъ своеобразіи русской исторіи сводится къ другому вопросу: чѣмъ вызвано это своеобразіе? За отвѣтомъ авторъ обращается къ Соловьеву, Ключевскому и Келтуялѣ. Критика и сопоставленіе ихъ взглядовъ приводитъ къ выводу, что для Кіевской Руси основнымъ факторомъ, замедлившимъ ея экономическое развитіе и обусловившимъ ея упадокъ, былъ многовѣковой натискъ кочевниковъ, а для сѣверо-восточной Руси къ этому фактору присоединился и другой: неблагопріятныя географическія условія, въ результатѣ же «когда осѣдлая русская Европа получила возмож-

ность справиться съ кочевой Азіей, ея собственныя общественно-политическія отношенія оказались очень похожими на тѣ, которыя господствовали въ азіатскихъ деспотіяхъ. Стало быть, Европа побѣдила «азіатцевъ» лишь потому, что сдѣлалась Азіей» (т. I, стр. 98).

Г. В. Плехановъ при этомъ не разъ предупреждаетъ, что восточныя черты во внутреннемъ строѣ Московскаго Государства не слѣдуетъ объяснять непосредственнымъ воздѣйствіемъ азіатскаго Востока, потому что заимствованіе оттуда хотя и было, но осталось поверхностнымъ. «Не быту номадовъ, — подчеркиваетъ авторъ, — уподоблялся внутренній бытъ великорусскаго государства, а быту большихъ земледѣльческихъ деспотій Востока» (т. I, стр. 245—246, примѣчаніе 2).

Заслуга Г. В. Плеханова заключается въ самой постановкѣ вопроса о восточныхъ элементахъ русской исторіи, но отнюдь не въ томъ рѣшеніи, какое онъ предлагаетъ. Когда мы дѣлаемъ сопоставленіе русской исторіи съ западно-европейской, то всѣмъ понятно, что въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь о народахъ, тѣсно связанныхъ между собою въ своей исторической жизни, и поэтому самыя широкія сближенія, допускаемыя въ современной исторіографіи, не встрѣчаютъ возраженій.

Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло съ Востокомъ въ томъ неопредѣленномъ его пониманіи, какого придерживается Г. В. Плехановъ. У него Востокъ — понятіе собирательное, въ одномъ случаѣ это Китай, въ другомъ — древній Египетъ, въ третьемъ — Персія, иногда это вообще Азія. Этому собирательному понятію авторъ приписываетъ нѣкоторыя общія черты, находя ихъ и въ русской исторіи, но онъ упускаетъ изъ виду, что такія сопоставленія при всемъ ихъ остроуміи еще ничего не доказываютъ и не разъясняютъ. Помимо того, и наши представленія о государствахъ древняго Востока еще слишкомъ недостаточны и при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій могутъ радикально измѣниться, но какъ разъ въ обратную сторону, а именно: въ сторону сближенія внутренняго строя этихъ государствъ съ западно-европейскимъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, обстоитъ дѣло съ вопросомъ о феодализмѣ. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ аналогіи теряютъ подъ собой почву, поскольку рѣчь идетъ о государствахъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга и въ пространствѣ и во времени.

Для того, чтобы антитеза Востока и Запада получила опредѣленный смыслъ и научную цѣнность, необходимо приблизить Востокъ къ древней Руси географически и исторически и пересмотрѣть вопросъ о вліяніи татарщины на русскую жизнь. Вліяніе это не было такимъ поверхностнымъ, какъ полагаетъ Г. В. Плехановъ вслѣдъ за С. М. Соловьевымъ. М. Н. Покровскій установилъ недавно вполнѣ опредѣленное наблюденіе, что татарская финансовая организація легла въ основу московскихъ податныхъ порядковъ. Татары были умными, разсчетливыми политиками, и московскимъ князьямъ «собирателямъ» Руси было чему у нихъ поучиться. Любопытно также отмѣтить, что татары первые расширили кругъ разрядовъ населенія, подлежащихъ обложенію, и въ то же время оказывали полное содѣйствіе князьямъ и боярамъ въ ихъ борьбѣ съ «меньшими» людьми. Самодержавные навыки московскаго царя-вотчинника, развиваясь въ силу внутреннихъ историческихъ

условій, не обошлись, такимъ образомъ, безъ вліянія Востока, въ лицѣ татаръ-кочевниковъ.

Только въ такомъ смыслѣ мы и имѣемъ право прилагать къ русскому историческому процессу проблему о Востокѣ, схему же Г. В. Плеханова нельзя не признать искусственной и во многихъ случаяхъ только затемняющей, а не разъясняющей своеобразія русской исторіи. Въ качествѣ примѣра можно указать на разсужденія Г. В. Плеханова о причинахъ упадка Кіевской Руси. Онъ склоненъ придавать натиску кочевниковъ преобладающую роль, забывая о томъ, что въ самомъ общественно-экономическомъ строѣ Кіевской Руси крылись причины ея слабости, а также и о томъ, что перемѣщеніе путей міровой торговли сыграло въ этомъ процессѣ не послѣднюю роль.

Но еще болѣе упрощенное представленіе даетъ Г. В. Плехановъ о реформѣ Петра I. Въ своихъ разсужденіяхъ онъ всецѣло стоитъ на позиціи В. О. Ключевскаго и П. Н. Милюкова и, подобно имъ, движущимъ началомъ петровской реформы считаетъ военно-финансовую необходимость, въ причинной зависимости отъ которой, по его мнѣнію, находился и «торговый капитализмъ» московскаго правительства. Возможность обратнаго толкованія авторъ отвергаетъ, такъ какъ уже одно то, что «царь былъ первымъ купцомъ въ своемъ государствѣ, указываетъ на низкую ступень экономическаго развитія страны и на близость ея общественныхъ отношеній къ общественнымъ отношеніямъ восточныхъ деспотій» (т. 1, стр. 257). Но показанія иностранцевъ (въ особенности де Родеса и Кильбургера), а также новѣйшія изслѣдованія по финансовой исторіи Московскаго государства даютъ убѣдительныя доказательства, какъ интенсивности торговой жизни въ допетровской Руси, такъ и сильнаго вліянія ея на внутреннюю и внѣшнюю политику Московскаго государства. Связь Москвы съ Западомъ была особенно тѣсна, именно въ XVII вѣкѣ, когда, по мнѣнію Г. В.Плеханова, Востокъ получилъ преобладаніе въ ея внутреннемъ строѣ и базѣ.

Нельзя назвать удачными и тѣ главы, гдѣ авторъ разсматриваетъ движеніе общественной мысли въ эпоху смуты и послѣ нея, но особенно неубѣдительны и поверхностны разсужденія Г. В. Плеханова о расколѣ. Правда, это наиболѣе темная область русской исторія, но даже и при современномъ невысокомъ уровнѣ нашихъ знаній о расколѣ, нельзя этого широкаго и сложнаго движенія сводить къ старообрядчеству, готовому «умирать за азъ» и неспособному къ той смѣлой работѣ мысли, какую мы видимъ на Западѣ. По мнѣнію Г. В. Плеханова, расколъ явился однимъ изъ выраженій націоналистической реакціи, которая, съ своей стороны, «вызвана была тѣмъ, что новыя условія жизни, создаваемыя поворотомъ къ Западу, такъ или иначе нарушали болѣе или менѣе существенные интересы разныхъ классовъ народа» (т. II, стр. 50).

Но въ то время, какъ недовольные элементы Запада сосредоточивались въ городахъ, въ Московскомъ государствѣ они спасались въ прекрасную пустыню, гдѣ «не съ кѣмъ было не только разгуляться, но и обмѣняться мыслями, а это останавливало умственное развитіе бѣглецовъ» (тамъ же, стр. 51 — 52). Вотъ почему оппозиціонные элементы

Московскаго государства смотрѣли не впередъ, а назадъ и, вмѣсто того, чтобы задуматься о средствахъ улучшенія давившаго ихъ общественнаго порядка, приходили къ крайнему выводу, что надо «разбредаться розно» (тамъ же).

Обрядовыя разногласія и націоналистическій протестъ — это лишь отдѣльныя стороны раскольничьяго движенія, идейное же содержаніе, равно какъ соціальныя основы его, гораздо сложнѣй, чѣмъ это представляется Г. В. Плеханову, а оппозиціонная мысль по своей интенсивности нисколько не уступала таковой же въ реформаціонныхъ движеніяхъ Западной Европы. И то, что кажется автору безсмысленнымъ и фантастичнымъ, — бѣгство въ пустыню, ожиданіе Антихриста, равно, какъ и неотмѣченная имъ эпидемія самосожженій, все это отдѣльныя звенья цѣльной крестьянской идеологіи, по своему оригинальной и логичной.

Въ заключеніе приходится сказать, что выступленіе Г. В. Плеханова въ роли историка не оправдало всецѣло тѣхъ надеждъ, какія вправѣ былъ возлагать на автора «Монистическаго взгляда на исторію» требовательный читатель. Трудъ Г. В. Плеханова слишкомъ ясенъ въ своихъ построеніяхъ; онъ не столько возбуждаетъ мысль читателя, сколько усыпляетъ ее чрезмѣрно упрощеннымъ представленіемъ объ основныхъ особенностяхъ русскаго историческаго прогресса. Справедливость требуетъ, однако, отмѣтить, что научная цѣнность работы Г. В. Плеханова возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ его изложеніе приближается къ тѣмъ періодамъ русской исторіи, когда западные элементы ея становятся преобладающими. Уже для XVIII вѣка, которому посвящена значительная часть II тома, авторъ дѣлаетъ крупный вкладъ въ нашу исторіографію. Характеристики «ученой дружины» Петра I (Прокоповича, Татищева и Кантеміра), а также Посошкова и Ломоносова написаны съ присущимъ автору блескомъ и талантомъ и заключаютъ въ себѣ много цѣнныхъ замѣчаній и остроумныхъ наблюденій, и можно только пожелать скорѣйшаго завершенія этого труда, который, несмотря на свои недочеты, является большимъ событіемъ для русской исторической науки.

А. Кудрявцевъ.

Рецензіи.

Гюлистанъ. Альманахъ. II. Москва 1916 г. Ц. 2 р. 10 к.

Второй сборникъ московскихъ символистовъ мало чѣмъ отличается отъ вышедшаго прошлой весною первой книги «Гюлистана». Тѣ же участники, тѣ же заданія, то же стремленіе быть изысканными въ языкѣ и чопорными въ чувствахъ и то же, роковое для писателей этой школы, отсутствіе сердцевины, живого нерва, отсутствіе у поэтовъ своего лица, своей индивидуальности, и вытекающее отсюда тяготѣніе къ чужому, къ маскѣ, къ стилизаціи.

На этотъ разъ въ сборникѣ съ особой ясностью чувствуется почему-то вѣяніе «духа» Пушкина. Наиболѣе интересное въ книгѣ—драматическія сцены А. Глобы — суть ничто иное, какъ просто варіаціи на темы пушкинскаго «Донъ Жуана» и «Фауста», —варіаціи, сдѣланныя съ большимъ умомъ и умѣньемъ, но все же, прочитавъ ихъ, невольно думаешь: а не принадлежитъ-ли авторъ къ разряду